

МОСКОВСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ журнал 3/2017

УДК 364

Михаленко Максим Александрович

аспирант кафедры экономических и финансовых дисциплин

Московского гуманитарного университета

mvft@mail.ru

8-903-189-21-11

Mikhalenko Maksim Aleksandrovich

graduate student of department of economic and financial
disciplines

Moscow University for the Humanities

mvft@mail.ru

8-903-189-21-11

**Застойная бедность работающего населения и рост трансграничной
миграции –ключевые проблемы социальной политики развитых стран
мира в XXI веке**

Аннотация

Предметом данного исследования являются два взаимосвязанных феномена, ярко проявившиеся в последние годы в развитых странах мира – застойная бедность работающего населения и рост трансграничной миграции. Рассмотрены качественные изменения структуры населения, обусловленные неравномерностью перехода различных регионов мира к новой репродуктивной стратегии. Показано, что не «отдельные недостатки» иммиграционной и социальной политики, а именно этот глобальный демографический переход является первопричиной роста масштабов трансграничной миграции: дальнейшему экономическому развитию стран промышленного ядра ЕС и США препятствует старение населения, депопуляция и нехватка трудовых ресурсов. Рассмотрены основные тенденции развития застойной бедности прекариата. Показано, что результатом неспособности многих развитых стран интегрировать инокультурных мигрантов в своё общество стала не только угроза утраты ими этнокультурной и конфессиональной идентичности общества, но и существенное увеличение численности прекариата. Установлено что формирование социальной аномии прекариата в развитых странах является следствием не столько недостаточности размеров государственных социальных трансфертов, но отсутствия у индивидов доступа к «социальным лифтам», обусловленного недостатком возможностей и навыков социального взаимодействия. Анализ социально-экономических последствий роста прекариата и масштабов трансграничной миграции в развитых странах даёт нам возможность избежать ошибок социальной политики развитых стран.

Ключевые словосочетания

застойная бедность работающего населения, прекариат, глобальный демографический переход, трансграничная миграция, инокультурные мигранты.

The stagnant poverty of the working population and the growth of cross-border migration are the key problems of social policy of the developed countries of the world in the twenty-first century

Annotation

The subject of this study are two interrelated phenomena that have clearly manifested in developed countries in recent years – the stagnant poverty of the working population and the growth of cross-border migration. Qualitative changes in the population structure due to the unevenness of the transition of different regions of the world to a new reproductive strategy are considered. It is shown that not «certain disadvantages» of immigration and social policy, but this global demographic transition is the primary reason for the growth of the scale of transboundary migration: the further economic development of the countries of the industrial core of the EU and the US is hampered by population aging, depopulation and labor shortage. The main tendencies of development of stagnant poverty of the precarious are considered. It is shown that the result of the inability of many developed countries to integrate non-cultural migrants into their society is not only the threat of their loss of the ethno-cultural and confessional identity of society, but also a significant increase in the number of precarious. It has been established that the formation of a social anomie of precarious in developed countries is a result not so much of the insufficiency of the size of state social transfers, but of the lack of individuals' access to «social elevators» due to the lack of opportunities and skills of social interaction. An analysis of the socioeconomic consequences of the growth of the pre-carat and the extent of transboundary migration in developed countries enables us to avoid mistakes in the social policies of the developed countries.

Key words

Stagnant poverty of the working population, precarious, global demographic transition, cross-border migration, incultural migrants.

Введение

Два года назад специалисты ООН в докладе «World Population Prospects 2015», прогнозируя новые глобальные угрозы и проблемы, вызванные изменением численности и структуры мирового народонаселения, пришли к выводу, что «в отсутствие скоординированной и решительной политики существует риск, что миграция и низкие доходы населения будут усиливать друг друга» [36].

Дело в том, что структура бедности в экономически развитых странах до недавнего времени включала, главным образом, безработных, инвалидов и многодетные семьи; нормой считалось то, что наличие у трудоспособного индивида рабочего места позволяло ему и его близким забыть о бедности и даже накапливать средства. Работающие бедные были социальной аномалией, в лучшие годы их численность не выходила за рамки статистической погрешности опросов. Однако в конце XX века на рынках труда этих стран произошли кардинальные изменения; спрос существенно изменилась – как и социальная структура общества.

Во многих отраслях экономики стала стремительно возрастать доля рабочих мест с различными формами «временной» и «гибкой» – можно также их назвать «маргинальной» – занятости («non-standard forms of employment» [20], «precarious employment» [22]). Стали внедряться такие формы трудовых отношений, при которых даже в экономически развитых странах с их хорошо отлаженным трудовым законодательством, создаются условия для «оптимизации» расходов работодателей на оплату труда неквалифицированных работников.

Вследствие этих перемен на рынке труда стали формироваться новые устойчивые социально значимые группы «работающих бедных» – со своим специфическим горизонтом планирования, особой системой ценностей и методами решения жизненных проблем. Людей в этих группах объединяло отсутствие у них возможности как-то повысить свой социальный статус и улучшить материальное положение. Они сформировали фактически изолированную от общества социальную среду со своими неформальными правилами

поведения и социокультурными ценностями, в основе которых – социальная аномия (о сущности и проявлениях этого феномена – см., например, [13, с.97]).

В этой «ловушке» застойной бедности оказались не только «отдельные неудачники, маргиналы и деклассированных элементы» [21], но и стремительно растущие сообщества инокультурных мигрантов (нелегальных мигрантов-беженцев, легальных мигрантов и их потомков) – выходцев из беднейших регионов мира, которые оказались неспособны полностью интегрироваться в социальное пространство страны-реципиента.

Высказывание «в отсутствие скоординированной и решительной политики» в докладе ООН «World Population Prospects 2015» обычно используется дипломатами для обозначения ситуации, когда решение проблемы фактически невозможно. За последние годы буквально на наших глазах практически во всех экономически развитых странах сочетание двух факторов – роста численности и застойной бедности инокультурных мигрантов – стало главными проблемами, невозможность решения которых в рамках либеральной концепции «социального государства всеобщего благосостояния» стало одной из основных угроз социально-экономической и политической устойчивости общества.

Человечество меняет свою репродуктивную стратегию. Отказывается от устойчивого стереотипа поведения, основанного на императиве «высокая смертность – высокая рождаемость» и переходит к императиву «низкая смертность – низкая рождаемость». Этот феномен демографы называют глобальным демографическим переходом[2].

В одних регионах и социумах он начинается раньше, в других позже; следствием его неравномерности стал рост весьма масштабных демографических диспропорций – например, по данным ранее упомянутого нами доклада ООН «World Population Prospects 2015», население Азии, превышая 60% от мирового, занимает при этом в настоящее время менее 24% территории земли [36].

Немецкий демограф G. Heinsohn [14] для обозначения последствий глобального демографического перехода в отдельных регионах мира использовал термин «пузырь» («bulge»):

- «молодёжный пузырь» в странах Ближнего Востока и Африки (где к настоящему времени около трети общей численности населения составляет молодёжь от 15 до 22 лет);
- «пузырь трудоспособного возраста»; демографы установили, что для экономического роста в стране оптимальным является средний возраст населения 25 лет [1]; именно такой сегодня средний возраст у населения Латинской Америки и Юго-Восточной Азии;
- «старческий пузырь» Европы: первыми к императиву «низкая смертность – низкая рождаемость» перешла «цивилизации Запада»; в 2002 г Р. J. Buchanan показал в своём исследовании, что «вымирающие народы и иммиграционные нашествия угрожают нашей стране и цивилизации» [5]; в 2015 г он констатировал: «будущее Европы уже в прошлом» («Europe's Future Is in the Past») [6] .

По прогнозам, пик роста «молодёжного пузыря» в странах Ближнего Востока и Африки придётся на 2025 г.; специалисты считают, что в среднесрочной перспективе сокращение миграционных потоков мало реалистично; попытки воспрепятствовать «силовыми» методами бесперспективны [1]; по словам G. Heinsohn, «никакие препятствия не смогут остановить десятки миллионов молодых африканцев, рвущихся заполнить демографическую брешь» [14].

Именно «молодёжный пузырь» в странах Ближнего Востока и Африки – а отнюдь не какие-то ошибки социальной политики – стал главной движущей силой нарастающего потока трансграничных мигрантов в экономически развитые страны.

Население ЕС в последние десятилетия слишком быстро старело. Недаром эксперты британского аналитического центра Chatham House, составляя в 2013 г прогноз на ближайшее десятилетие, пришли к заключению: «перспективы развития мировой экономики

полностью зависят от демографических и социально-экономических процессов в развивающихся странах с молодым населением... и практически не зависят от экономического развития» [15].

В ЕС прибывает в основном молодое и работоспособное население в самом расцвете сил: в 2015 году 60% мигрантов имели возраст от 18 до 35 лет; медианный возраст населения ЕС составил 42 года, а мигрантов – 28 лет (рис. 1).

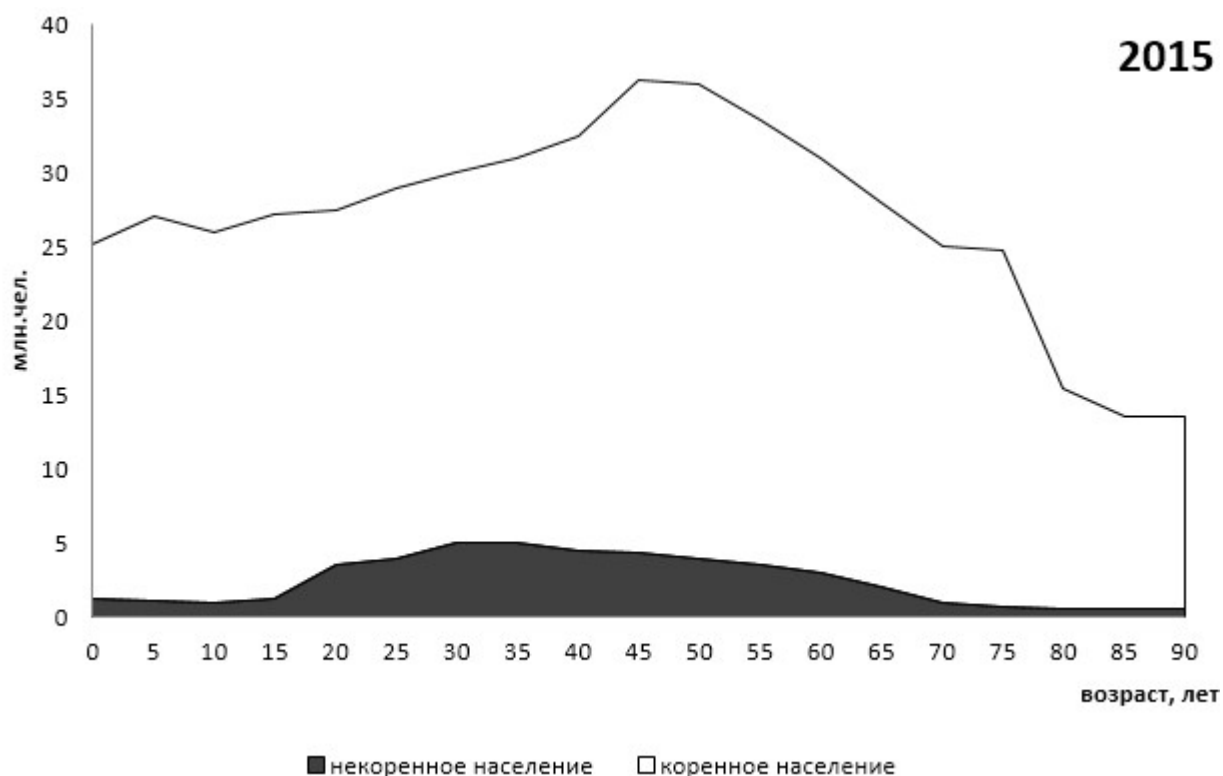

Рисунок 1 – Возрастная демографическая структура коренного и некоренного населения ЕС в 2015 г.

Примечание:

- под некоренным населением ЕС мы понимаем совокупность foreign origin citizens of EU и мигрантов (легальных и нелегальных)
- составлено автором по данным «Eurostat population structure and ageing, 2016» [11].

Сопоставим возрастную демографическую структуру коренного и

некоренного населения ЕС в 2015 (рис.4) и её прогноз на 2050 г. (рис. 5).

По прогнозам доклада ООН «World Population Prospects 2015», численность некоренного населения ЕС будет продолжать расти. К середине XXI века пропорция между коренным и некоренным населением изменится с нынешних 14:1 до 3,5:1 (рис. 5). Причём доля детей до 15 лет у некоренного населения от общего числа детей в ЕС увеличится с нынешних 6% почти до 30% в 2050 г.

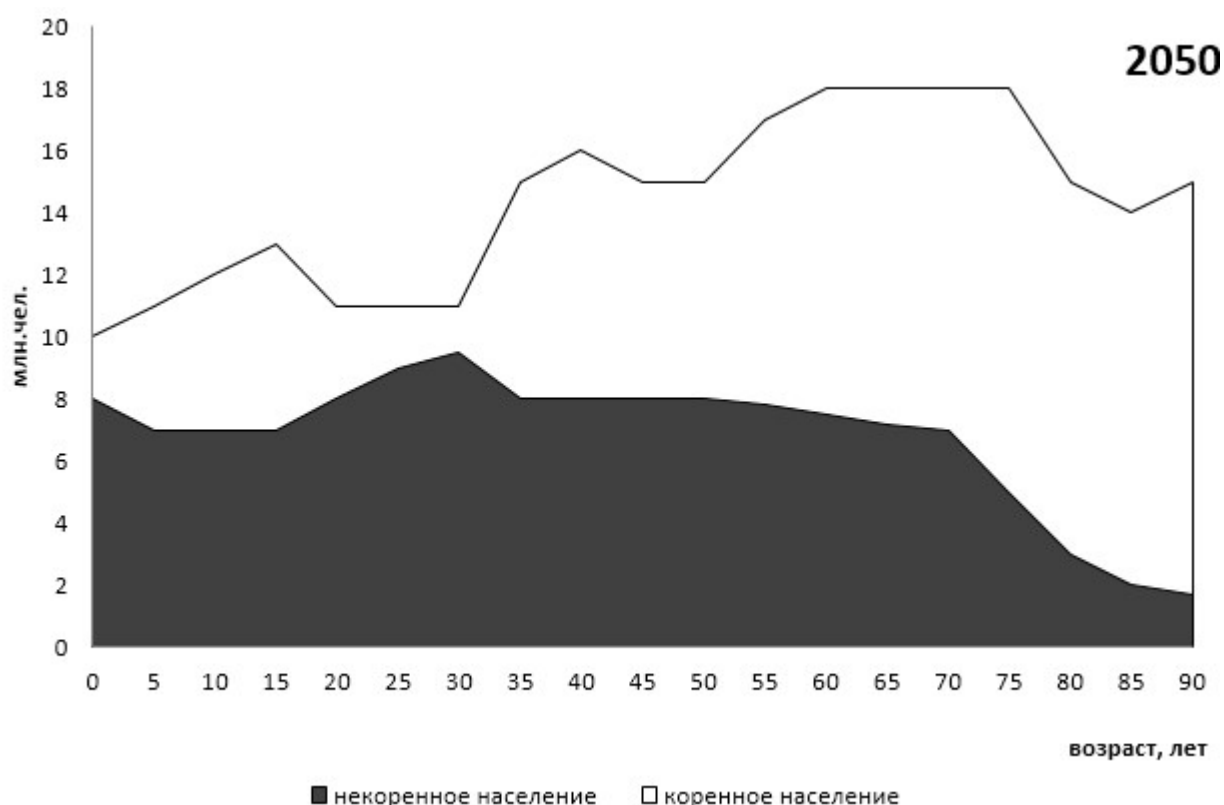

Рисунок 2. – Прогноз возрастной демографической структуры коренного и некоренного населения ЕС в 2050 г.

Примечание:

- под некоренным населением ЕС мы понимаем совокупность foreign origin citizens of EU и мигрантов (легальных и нелегальных)
- составлено по данным «Eurostat population structure and ageing 2016» [11], доклада ООН «World Population Prospects 2015» [36].

Коренное население ЕС в ближайшие десятилетия будет убывать, причём скорость убывания будет возрастать: сейчас соотношение между коренным и некоренным населением ежегодно изменяется примерно на 1 млн. чел. в пользу последних; через 15 лет скорость этих изменений возрастёт до 2 млн., чел. в год; к середине века – до 3 млн. чел. в год. [36] Т.е. то, что white christian Europe is dying – это отнюдь не метафора, а факт европейской демографической статистики. Старое, вымирающее коренное население и динамично развивающееся, доминирующее во всех сферах жизни некоренное население – примерно так можно охарактеризовать демографическую структуру ЕС в 2050 г. (рис. 2).

В среднесрочной перспективе в ЕС значительно увеличится доля коренного населения пенсионного возраста. Представить себе, что пришедшее к власти некоренное население сохранит в неприкосновенности систему социального обеспечения и будет материально обеспечивать стареющее коренное население, не представляется возможным. В среднесрочной перспективе ЕС, как минимум, встанет перед крахом пенсионной системы.

В докладе ООН «World Population Prospects 2015» был сделан неутешительный прогноз: «глобальные миграционные процессы кардинально изменят не только облик Европы и её расово-этническую структуру, но и всю политическую, этнокультурную и конфессиональную карту мира» [36].

Весьма примечательны результаты ответа на один из вопросов исследования, проведённого летом 2017 г. германским институтом You Gov по заказу газеты Handelsblatt Global: «Думаете ли вы, что национальная идентичность вашей страны находится под угрозой?». Ответили «да» 34% респондентов-финнов, 35% норвежцев, 38% датчан, 49% немцев, 50% англичан, 52% шведов и 70% французов [25].

В США, по прогнозам «World Population Prospects 2015», в ближайшие 35 лет ожидается рост населения – примерно на 67 миллионов человек. Однако прирост населения обеспечат а)

приток мигрантов и б) высокая рождаемость небелого коренного население [36]. Белое коренное население США за последнее десятилетие выросло лишь на 0.1 %; последние четыре года для белых американцев было характерно превышение смертности над рождаемостью. Для сравнения: только за год, с июля 2014 по июль 2015, азиатское население США возросло на 3.4%, испаноязычное – на 2.2%, афро-американское – на 1.3% [28].

По данным американкой статистики, в США находятся 11 млн. нелегальных трудовых мигрантов. По оценкам American Immigration Council их гораздо больше. Специалисты отмечают, что экстрадировать их всех фактически невозможно, потому что слишком многие отрасли американской экономики критически зависят от наличия нелегальных мигрантов на рынке труда. К настоящему времени они составляют не менее 20% от общей численности поваров, 27% горничных и домработниц, 40% строителей и 80% сельхозрабочих [3].

Наиболее масштабный приток нелегальных мигрантов идёт из Мексики, которая в ближайшем будущем станет доминировать в нескольких прилегающих к её границе американских штатов. Выходцы из Мексики – испаноязычное население США – уже сформировали отдельное социокультурное пространство. Примечательно, что R. D. Kaplan (один из четырёх самых читаемых авторов нехудожественной литературы в США) посвятил заключительный раздел своей книги «Мечь географии» («The Revenge of Geography») перспективам «мирной капитуляции белой протестантской идентичности перед мексиканской испаноязычной католической ментальностью» [18].

В «Стратегии национальной безопасности США -2015» отмечается «перенапряжения сил» страны; этот тезис повторяется в тексте документа три раза [32]. Получается, чтобы отсрочить «падение американской империи» («The fall of the US empire» [12]). США готовы даже отказаться от своей цивилизационной социокультурной идентичности и согласиться с перспективой уходом в небытие «белой христианской Америки» («The end of white christian America» [16]).

На протяжении второй половины XX века США сохраняли мировое господство, которое держалось на лидерстве в технологии и экономике, военном превосходстве, а также на сети союзников, охватывающей весь мир. Экономическая власть США начала ослабевать по мере развития глобального демографического перехода.

Как мы видим, иммиграция является отнюдь не неким «неприятным побочным продуктом глобализации», а её важнейшей составной частью – причём не только идеологической, но и инструментальной [37].

Масштабы глобального демографического перехода таковы, что даже самая могущественная страна мира оказалась неспособна взять под контроль демографические процессы, от которых определяющим образом зависит и её экономика, и социальная стабильность.

Для обозначения устойчивых социально значимых групп «работающих бедных» G. Standing ввёл в научный оборот новый термин – «прекариат», производное от англ. «precarious»: ненадежный, нестандартный, сомнительный (вид занятости на рынке труда) [22].

Прекарии – представители беднейших слоёв населения, которые на рынке труда заняты в различных формах «временной» и «гибкой» занятости: они – совместители на двух-трёх работах и фрилансеры. Они длительное время имеют низкие и нестабильные доходы, значительную их часть получают в форме разовых заработков, зачастую, в теневом секторе экономики.

Социально-психологические последствия такой занятости на рынке труда на протяжении длительного времени – безнадёжность отсутствия жизненных перспектив и полная утрата веры в возможность их обретения формируют устойчивые поведенческие стереотипы застойной бедности. . G. Standing назвал их «a precariat charter»: прекарии – «denizens»: обитатели, жители, популяция, но никак не «citizens», ответственные, лояльные

властям и соблюдающие писанные и неписанные нормы и правила проживания в своей стране [23].

На самом деле первыми, кто выделил прекариат в специфическую статистически значимую группу на рынке труда, были немецкие исследователи: M. Rehberg [19], B. Vogel [33], O. Winfried [35], S. Wahl [34], T. Schulten, K. Schulze-Buschhoff [20]; см. также сборник «Beschäftigungs- und Arbeitsmarktpolitik Prekäre Arbeit» [4].

Ставшее для германских авторов общепринятым словосочетание «prekäre beschäftigung» через несколько лет было переведено на английский как «non-standard forms of employment», «precarious employment» – по нашему мнению, их наиболее точный перевод на русский «маргинальная занятость».

В Германии наблюдается стремительный рост количества таких рабочих мест. Как мы видим из рис. 3, их численность возросла в Германии с 6,6 млн. в 1991 г до 13,7 млн. в 2015 г.

Численность нанятых на работы с использованием различных форм маргинальной занятости трудовой занятости, таких как «temporary agency work» и «leased employees» выросло в Германии почти в 10 раз. В четыре раза увеличилось предложение «minijob» («minijobber» в Германии зарабатывает менее 400 евро в месяц); в два раза увеличился «part-time work» [9,с.7].

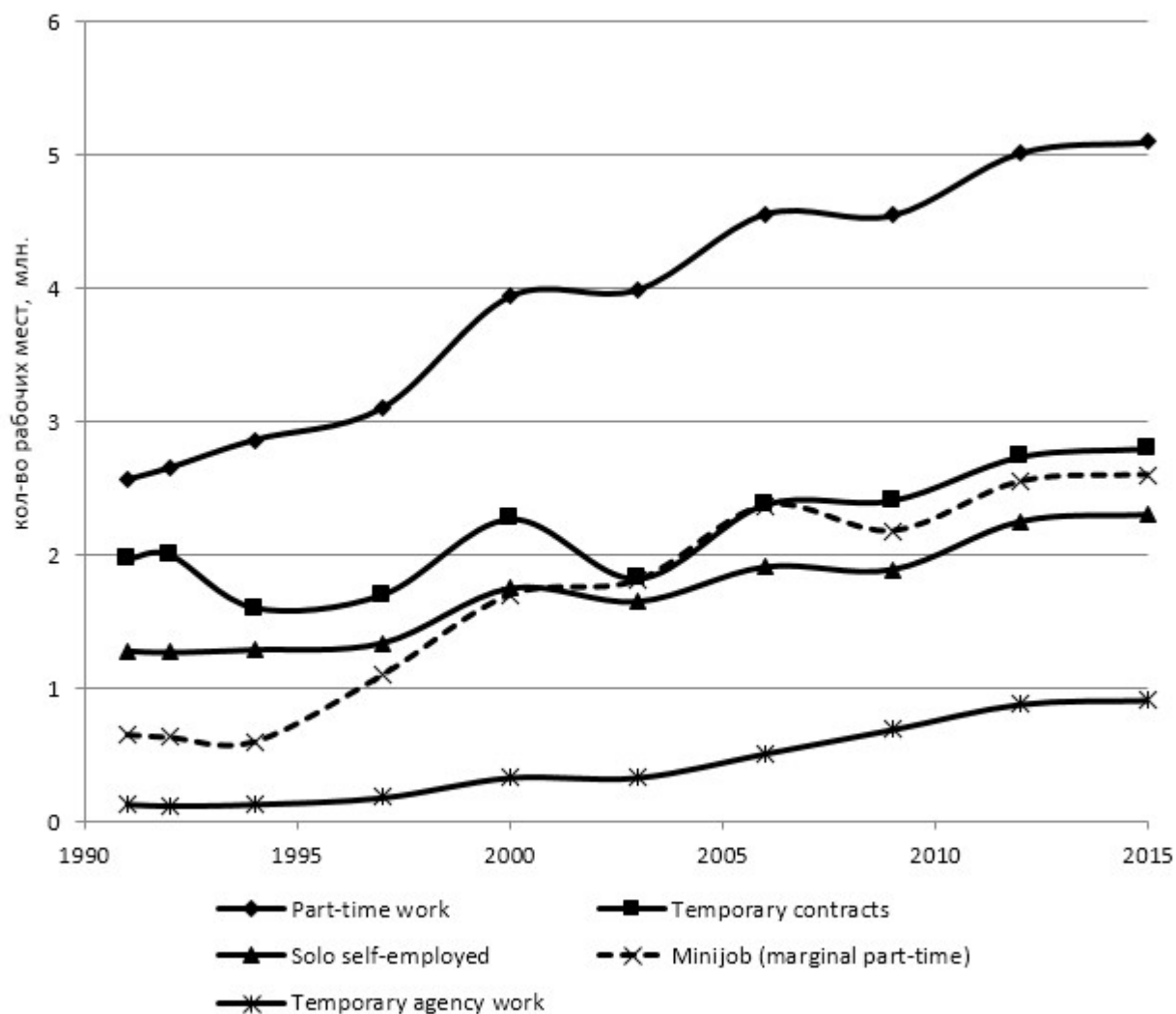

Рисунок. 3.- Маргинальные формы трудовой занятости в Германии, 1991-2015

Составлено автором по материалам: [20;9]

Рост маргинальных форм трудовой занятости оценивается германскими исследователями как существенная угроза социальной стабильности общества. Такой подход продемонстрирован в исследовании Т. Schulten и К. Schulze-Buschhoff, которое было посвящено разработке «sector-level strategies against precarious employment» на примере ряда отраслей национальной экономики, где наиболее распространены маргинальные формы трудовой занятости [20].

Мы используем англоязычные названия маргинальных форм

занятости, поскольку не смогли найти в экономическом словаре адекватного перевода для их обозначения. По-видимому, на российском рынке труда нет чётких аналогов из-за национальной специфики трудового законодательства и системы социальной помощи – в отличие от России германскими законодателями в полной мере реализована идея отказа от социального обеспечения на основе выделения безусловных государственных социальных трансфертов.

Ключевые элементы германской системы социального обеспечения:

- пособие для нетрудоспособных **Sozialgeld** (это либо бездельники, либо люди с ограниченными возможностями)
- пособие по безработице (Arbeitslosenhilfe) и одновременно социальная помощь (Sozialhilfe).

*Каждый десятый житель Германии получает Harz IV либо Sozialgeld . С 2017 года государственные пособия малообеспеченным семьям увеличились. Ежемесячное пособие для получателей-одиночек возросло с 404 до 409 евро. Бездетная пара получит на каждого 368 вместо 364 евро. Безработные в возрасте до 25 лет, проживающие совместно с родителями, получают на 3 евро больше – 327 евро. Пособия на детей в возрасте от 6 до 13 лет возрастут с 270 до 291 евро, на подростков от 13 до 18 лет – с 306 до 311 евро (на малышей до 6 лет ставка останется неизменной – 237 евро). Таким образом, если безработная семья с двумя детьми до 13 лет получает сегодня от государства 1791 евро (это вместе с арендной платой, которая в среднем составляет 523 евро), то с 2017 г. эта сумма составляет 1841 евро [7]. Есть те, кто работает, но недостаточно зарабатывает – им доплачивают до прожиточного минимума. Есть студенты, которым тоже доплачивают, беженцы и мигранты, которые также получают социальную помощь, есть даже специальная *социальная программа для бомжей*: им выплачивают каждый день примерно по 10 евро.*

Прекарии в Германии – это участвующие в маргинальных формах

трудоустроенности и одновременно получатели пособий по безработице Hartz-IV.

Дело в том, что высокооплачиваемую работу в Центре трудоустройства (*Arbeitsamt*) не предлагают – удовлетворяется спрос на неквалифицированную рабочую силу. Это может быть работа грузчиком, фасовщиком, пересчитывать детали, упаковщиком, помощник в бюро (кофе, уборка), на складе, за кассой и т.п. Однако получатели Hartz-IV постоянно должны быть готовы к тому, что (**Arbeitsamt**) предложит им работу – раз в день они обязательно должны проверять свой почтовый ящик. И они обязаны соглашаться на каждую работу, которую им предлагает **Arbeitsamt**. Не имеет значения, такая же ли это работа, которую получатель пособия выполнял раньше, будет ли на новой работе он будет получать меньше, чем на прежней. Не является важной причиной для отказа и удалённость новой работы от места жительства. Отказавшись от трёх предложений на протяжении года, он лишится пособия.

С одной стороны, благодаря Hartz-IV многие германские предприятия получают рабочую силу на весьма выгодных для себя (и невыгодных для сотрудников) условиях. В каком-то смысле Hartz IV испортил германского работодателя, который теперь уверен, что есть масса людей, которых направят к нему работать за гроши – того, кто откажется, могут лишить пособия.

С другой, разница между социальным пособием и трудовым доходом неквалифицированного рабочего, которую предлагает **Arbeitsamt** настолько незначительна, что для многих трудоспособных искать постоянную работу работать просто глупо. Hartz IV выплачивает практически ту же самую сумму, которую работодатели платят своим работникам за 40-часовую рабочую неделю «1-Euro-Job», т.е. с оплатой от 1 до 2 евро в час [10].

По словам Т. Камбурги, германское общество разделилось примерно поровну – одни полагают, что безработные получают слишком много денег, другие говорят, что Hartz-IV унижает человеческое достоинство. В современном немецком языке

появились глагол «hartzen» – сознательно «сидеть на пособии» и существительное «Hartz IV Milieu», обозначающее сообщество недалеких лентяев, опустившихся людей средних и предпенсионных лет, без образования, здоровых, но зачастую алкоголиков, не делающих ничего полезного, сидящих на шее государства и «проедающих» бюджетные средства. Получателей социальной помощи **Hartz IV** также презрительно называют **Sozialneid / Schmarotzer** – синоним нахлебника, бездельника, тунеядца [17].

Как мы видим, германская система социального обеспечения так устроена, что весьма способствует развитию в обществе социальной аномии и формированию в стране прекариата.

Американский прекариат – это, прежде всего, люди, официально занятые не менее 27 недель в году, чей доход ниже официальной черты бедности. Ещё один сегмент американского прекариата – те, кто работает неофициально (в отличие от Германии, где такое в принципе невозможно) или живёт на пособие. Прекариат в США стремительно растёт: по данным американского казначейства в 1970 г. доля американцев, которые вообще не платят налоги, составляла 11% – в 2016 г. она достигла 49% [30].

В качестве статистически значимой группы американские социологи уже довольно давно выделяют домохозяйства, в которых уже третье поколение никто из членов семьи ни одного дня в своей жизни официально нигде не проработал. Они всю жизнь пользовались различными формами социального обеспечения, и у них всегда есть масса возможностей для «слегка незаконного» неофициального заработка. Эти домохозяйства компактно размещены в определённых кварталах/районах крупных городов [23]. Эти кварталы/районы/города населяет прекариат, который в своей массе не слишком законопослушен; в них сложилась специфическая субкультура, неотъемлемый элемент которой – крайне низкий уровень институционального доверия и социальная аномия. Эти кварталы/районы/города являются сосредоточением социального неблагополучия – от высокого уровня безработицы (и как следствие – граждан, «сидящих» на социальных пособиях) до высокого уровня преступности. Социальные лифты для молодёжи в

подобных кварталах работают плохо, начиная со школ, которые в большинстве своем не могут похвастаться высоким уровнем обучения, что автоматически ставит серьезные преграды их выпускникам для дальнейшей жизни. Как следствие, членство в бандах становится трудно избегаемым для большинства молодёжи.

Социальная среда прекариата в этих американских кварталах/районах/городах успешно самовоспроизводится: устойчивые поведенческие стереотипы застойной бедности родителей, плохое образование, банда как форма социализации и способ зарабатывать на жизнь, тюрьма и/или насильственная смерть. Этот хорошо известный порочный круг усугубился последние годы в силу экономических проблем – деиндустриализации и, как следствие, сокращения занятости в реальном секторе экономики, а также сокращение рабочих мест с полной занятостью, сокращение реальных доходов населения. Разумеется, первыми усугубляются и ярче всего проявляются проблемы в и без того неблагополучных районах.

Социальной базой прекариата традиционно являются семьи афроамериканцев и латиноамериканцев. В целом США отличаются высокой степенью сегрегации населения, когда представители разных расовых и (иногда) этнических групп селятся в соответствии со своей принадлежностью. По данным Федерального жилищного управления США, только 45% семей афроамериканцев (и 47% семей латиноамериканцев) являются в США собственниками жилья. При том, что среди белых американцев эта доля превышает 70% [31]. По статистике Департамента жилищного строительства и городского развития, в 2015 году из 1,75 млн. одобренных банками потребительских кредитов на афроамериканцев и латиноамериканцев пришлось только 36,5 тыс. – т. е. всего 2% [29].

Социальной базой прекариата в последнее десятилетие также стали и белые американцы – жители «стального пояса» («Steel Belt»), штатов, в которых были сосредоточены крупнейшие сталелитейные и автомобильные заводы (Иллинойс, Пенсильвания, Индиана, Огайо). Который теперь называется «ржавый пояс»

(«Rust Belt») – там быстрее, чем в среднем по США растет безработица, преступность, смертность [26]. С начала века количество рабочих мест в сфере промышленного производства США сократилось на 3,2 млн.; общее количество занятых *standard forms of employment* сократилось на 28 млн. чел; к концу 2016 года количество неработающих американцев превысило 95 млн. чел.; безработица среди молодёжи в возрастной группе 18-24 лет находится на максимальном уровне за последние полвека; количество работающих в этой возрастной группе не превышает 45%. [27] По данным А. Case и А. Deaton [8], в целом смертность населения США в возрасте от 45 до 54 лет за период с 1970 по 2013 год упала на 44%. Однако в группе «белых американцев со средним образованием и ниже» после 1998 г смертность постоянно увеличивалась примерно на полпроцента в год. Причины смерти: наркотическая и алкогольная передозировка, болезни печени и самоубийства: белые американские рабочие среднего возраста уходят из жизни, не видя перспектив.

Весьма весомой специфической подгруппой в составе прекариата во всех экономически развитых странах являются инокультурные мигранты, устойчивые поведенческие стереотипы которых тесно переплетены с элементами этно-конфессиональной идентичности.

На протяжении десятилетий экономически наиболее благополучные (и демографически наиболее проблемные) «старые» члены Евросоюза, пытаясь насытить свои рынки труда пусть и неквалифицированной, но зато дешёвой и нетребовательной рабочей силой, выделяли довольно значительную часть своего бюджета на привлечение и адаптацию инокультурных мигрантов.

И власти, и коренное население стран-реципиентов предполагали, что любой выходец из бедной исламской страны, попав в «потребительский рай», в знак признательности без проблем расстанется со своим отсталым религиозным мировоззрением, архаичными традициями и нормами поведения, воспримет европейскую толерантность и другие либеральные ценности.

Т.е. расчёт был сделан на *конвергенцию, растворение*

изначальных сущностных качеств мигрантов в «плавильном котле» коренного населения. Которое считало себя и свою культуру настолько выше верований и обычаев мигрантов, что даже не помышляло об интеграции (которая, как известно, происходит без смешения изначальных сущностных признаков и свойств участников объединительного процесса). Однако предположение это совершенно не подтвердилось.

Подняться вверх по «социальной лестнице» смогли лишь единицы. В своей массе и первое, и все последующие поколения мигрантов так и остались среди беднейших слоёв населения страны-реципиента – без каких-либо перспектив улучшения своего экономического и социального статуса.

Изначально их социальные связи, как правило, не выходили за рамки этнических диаспор – сказывались этно-конфессиональные и культурные различия. Постепенно в европейских «старых государствах всеобщего благосостояния» сформировался весьма специфический самоизолированный социум инокультурных мигрантов. Его члены всё сильнее спланивались для защиты своей социокультурной идентичности и этноконфессиональных ценностей. По мере количественного роста социума инокультурных мигрантов происходили качественные изменения их поведенческих стереотипов, прежде всего, стремительно рос их конфликтный потенциал.

Сначала они относились к стране-реципиенту и её коренному населению как иждивенцы-потребители (которым «все что-то должны»), а позднее – как победители и захватчики, делящие военные трофеи.

В местах компактного проживания они всё чаще пытаются демонстративно навязать коренному населению свои конфессиональные и этнокультурные ценности, требуя соблюдения привычных для себя норм и правил поведения. Разумеется, они катастрофически нелояльны властям своей «новой родины».

Отнюдь не только для инокультурных мигрантов – для всего

прекариата – абсолютно чуждо понятие «демократия». Абсолютно чужды прекариату и все складывавшиеся веками социальные нормы поведения, деловые и бытовые обычаи, культурные ценности...словом, всё то, что составляет основы социальной идентичности западной цивилизации.

Выводы

1. В России термин «прекариат» до последнего времени в научном обороте практически не использовался (так же, как в экономически развитых странах совершенно не используется понятие «рабочий класс»). Однако, по сути, застойная бедность «работающих бедных» в России и прекариата в экономических развитых странах Запада – один и тот же социокультурный феномен. Поэтому анализ социально-экономических последствий роста застойной бедности работающего населения и масштабов трансграничной миграции в развитых странах даёт нам возможность избежать ошибок социальной и миграционной политики стран ЕС и США.
2. Глобальный демографический переход – такой же совершенно неподвластный человечеству природный феномен, как, например, разрушительный ураган или землетрясение. И его влияние на современную мировую экономику – определяющее.

Поэтому глобальный демографический переход – это главная проблема социальной политики экономически развитых стран.

Особенно остро она сегодня стоит перед экономически развитыми странами «промышленного ядра» ЕС и США, которые в наибольшей степени повержены угрозам

-депопуляции и старения населения в условиях глобального демографического перехода;

-утраты этнокультурной и конфессиональной идентичности общества в результате масштабного притока инокультурных мигрантов и качественного изменения демографической структуры населения.

В настоящее время экономически развитые страны

- с одной стороны, не могут отказаться от привлечения инокультурных мигрантов (им жизненно необходима срочная и весьма значительная корректировка демографических показателей, в частности, среднего возраста населения и рождаемости);

- с другой стороны, не в состоянии интегрировать стремительно растущие сообщества инокультурных мигрантов в своё общество.

3. Как показывает изучение феномена прекариата – застойной бедности работающего населения в экономически развитых странах, добиться изменения устойчивых поведенческих стереотипов (т.е. купировать её социальные последствия) в рамках существующей парадигмы социальной политики, только с помощью мер социального обеспечения, оказалось в принципе невозможно. Социально-психологические проблемы, вызванные застойной бедностью, работающего населения в экономически развитых странах не решались, а «откладывались», переходили в разряд латентных.

Формирование социальной аномии прекариата в экономических развитых странах является следствием не столько недостаточности размеров государственных социальных трансфертов, но отсутствия у индивидов доступа к «социальным лифтам», обусловленного недостатком возможностей и навыков социального взаимодействия.

Список использованных источников

1. Вишневский А. и др. (2016) Миграции в глобальном контексте. /Вишневский А., Денисенко М. [Электронный ресурс]. // Материалы XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 19–22 апреля 2016. URL:<https://conf.hse.ru/data/2016/04/14/1129619227/Миграции.docx>(дата обращения: 10.08.17).
2. Вишневский А.Г. **Время демографических перемен**. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2015. 517с.

3. American Immigration Council, 2017 [electronic resource]
URL: <https://www.americanimmigrationcouncil.org/> (дата обращения: 18.02.17).
4. Beschäftigungs- und Arbeitsmarktpolitik Prekäre Arbeit. Befristung, Leih- und Zeitarbeit u. andere. Antragsverzeichnis nach Sachgebieten 2011. 398 s. [electronic resource] // Vereinte Dienstleistungsgewerkschaft URL: <https://www.verdi.de/++file++5073a20adeb5011af900190d/.../SachgebietB.pdf> (дата обращения: 15.03.17).
5. Buchanan J. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization. New York: St. Martin's Press, 2002. 308 p.
6. Buchanan P. J. Europe's Future Is in the Past [electronic resource] //The American Conservative, 2015, March 13, URL:<http://www.theamericanconservative.com/buchanan/europes-future-is-in-the-past/>
7. Bundesministerium für Arbeit und Soziales, 2017 [electronic resource] URL: <http://www.bmas.de/DE/Startseite/start.html> (дата обращения: 15.03.17).
8. Case A., Deaton A. Rising morbidity and mortality in midlife among white non-Hispanic Americans in the 21st century. PNAS Early Edition, 2015. [electronic resource] URL: <http://www.pnas.org/content/112/49/15078.full> (дата обращения: 18.06.17).
9. Der Arbeitsmarkt in Deutschland. Zeitarbeit . Aktuelle Entwicklungen. Januar 2016. Nürnberg : Bundesagentur für Arbeit. Statistik. 2016. 25 s. [electronic resource] URL: <http://doku.iab.de/externe/2016/k160210r01.pdf> (дата обращения: 18.06.17).
10. Engelen-Kefer U., Hesseken G. Neuordnung der Arbeitsmarktpolitik. Inklusion statt Hartz IV.

Neubrandenburg: Sozialverband Deutschland e.V., 2014. 48 s.

11. Eurostat population structure and ageing, 2016 [electronic resource] URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Population_structure_and_ageing(дата обращения: 21.01.17).
12. Galtung J. The Fall of the US Empire – And Then What? Transcend University Press. 2009. 270 p
13. Gerber J.J. et al. /Gerber J.J. , Macionis L.M.. Toronto: Pearson Canada. 2010. 460 p.
14. Heinsohn G. A City Forum Defence Round Table «Defence training: How will training be delivered to 2020?» The National Liberal Club Whitehall Place, London, SW1A 2HE, 20 November [electronic resource] URL: <https://ru.scribd.com/doc/310263543/Gunnar-Heinsohn-Demography-and-War>(дата обращения: 18.06.17).
15. Hepburn D. et al. The World's Industrial Transformation. A Chatham House Report 2013. /D. Hepburn, A. Black, M. Ferrazzi, A. Goldstein, D. Hurst, S. McGuire, M. Owen [electronic resource] URL: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/International%20Economics/0713r_industrialtransformation.pdf(дата обращения: 21.01.17).
16. Jones P. The End of White Christian America. Simon & Schuster, 2016. 340 p.
17. Kambouri T. Deutschland im Blaulicht: Notruf einer Polizistin. Amazon-Verkaufsrang, 2015. 224 s
18. Kaplan R. D. The Revenge of Geography. New York: Random House. 2012. 340 p
19. Rehberg M. Integration und Exklusion am Arbeitsmarkt- Prekäre Beschäftigung aus der Perspektive Betroffener. 2005. 31 s [electronic resource] URL: https://play.google.com/store/books/details/Merle_Rehberg_Integration_und_Exklusion_am_Arbeits?id=QMNeVtu7qpwC(дата обращения: 18.06.17).
20. Schulten T., Schulze-Buschhoff Sector-level Strategies

against Precarious Employment in Germany. Evidence from Construction, Commercial Cleaning, Hospitals and Temporary Agency Work. Diskussionspapier, 2015, 197, Vol.2. // Hans-Böckler-Stiftung [electronic resource] URL: http://www.boeckler.de/pdf/p_wsi_disp_197.pdf(дата обращения: 18.06.17).

21. Social Policy in Times of Austerity – Global economic crisis and the new politics of welfare. Edited by K. Farnsworth and Z. Irving. Policy Press 2015. 340 p
22. Standing The Precariat: The New Dangerous Class. London and New York: Bloomsbury Academic, 2011. 336 p.
23. Standing A Precariat Charter: From Denizens to Citizens. London and New York: Bloomsbury Academic. 2014. 440p.
24. Stiglitz J. E. The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them. W. W. Norton & Co. 2015. 464 p
25. Tost D. Looking to Germany to Protect the World Order // Handelsblatt Global, June 2017 [electronic resource] URL: <https://global.handelsblatt.com/politics/looking-to-germany-to-protect-the-world-order-779939>(дата обращения: 28.07.17).
26. S. Bureau of Economic Analysis, [electronic resource] URL: <https://www.bea.gov/> (дата обращения: 18.02.17).
27. S. Bureau of Labor Statistics [electronic resource] URL: <https://www.bls.gov/>(дата обращения: 18.02.17).
28. S. Census Data and Statistics [electronic resource] URL: <https://www.usa.gov/statistics>(дата обращения: 18.02.17).
29. S. Department of Housing and Urban Development [electronic resource] URL: <https://portal.hud.gov/hudportal/HUD>(дата обращения: 18.02.17).
30. S. Department of the Treasury [electronic resource] URL: <https://www.treasury.gov/> (дата обращения: 18.02.17).

31. S. Federal Housing Administration (FHA) [electronic resource] URL: https://portal.hud.gov/hudportal/HUD?src=/program_offices/housing/fhahistory (дата обращения: 18.02.17).
32. US National Security Strategy February 6, 2015 [electronic resource] URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (дата обращения: 18.06.17).
33. Vogel B. Die Ausweitung prekärer Arbeits- und Lebensverhältnisse Fragen und Perspektiven // Arbeitnehmerkammer Bremen. http://www.arbeitnehmerkammer.de/cms/upload/Politikthemen/Arbeit_Soziales/Prekarisierung_Lebens_Arbeitswelt.pdf (дата обращения: 18.06.17).
34. Wahl S. Prekäre Beschäftigung und Anerkennung Austausch, 2011. Vol.2, No.2 [electronic resource] URL: <https://www.psa.ac.uk/sites/default/files/Austausch%20Vol%201%2C%20Issue%2C%202%2C%200ct%20Wahl.pdf> (дата обращения: 18.06.17).
35. Winfried O. Leiharbeit – Erfahrungen aus rheinland-pfälzischen Betrieben Dokumentation zum Fachworkshop am 4. Dezember 2007 in Bingen. 1. Auflage. Mainz: TBS gGmbH Rheinland-Pfalz, 116 s. [electronic resource] URL: http://www.iaq.uni-due.de/aktuell/veroeff/2008/tbs_leiharbeitsbroschuere_08.pdf (дата обращения: 18.06.17).
36. World Population Prospects. Key Findings and Advance Tables. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. ESA/P/WP.241. United Nations. New York, 2015. 66 p.
37. Zakaria Populism on the March Why the West Is in Trouble Foreign Affairs 2016. [electronic resource] URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-10-17/populism-march> (дата обращения: 18.06.17).